

— Что это? — Мин Джун, разбирая гардероб Тома, обнаружил маленький чёрный коврик и спросил у Кэнты.

— Это коврик, которым господин Тома пользовался ещё младенцем. Ему он очень нравился, поэтому мы не выбросили его, а сохранили.

Мин Джун внимательно посмотрел на мягкий коврик и, будто что-то придумав, позвал Тому.

— Тома.

Стоит ли удивляться, но Кэнта на самом деле сдал экзамен на учителя начальной школы. Почему же он не пошёл по этой дороге, а оказался якудзой — неизвестно. Одно было ясно: его ровный, монотонный голос следовало использовать только для пациентов с тяжёлой бессонницей. В качестве примера — когда-то Мин Джун пошёл вместе с Томой на его урок. И не прошло и минуты, как Мин Джун начал клевать носом, точно пружинная игрушка.

То, что Кэнта не стал школьным учителем, было для японских детей настоящим везением. А Тома тем временем героически выдерживал его уроки, а сейчас сидел в игровой комнате и грыз белый альбомный лист, держа в руках восковые мелки.

— Мама, Тома здесь! — закричал малыш, увидев Мин Джуна, и подбежал к нему, держа в руках мелки.

— Тома, помнишь, как мы с тобой делали кимпаб?

Мальчик немного задумался, потом расплылся в широкой улыбке и закивал

.

— Угу, чёрный рис.

— Правильно. Чёрный рис. Хочешь, поиграем в «сворачивание кимпаба»?

— Да! Да!

Услышав слово «игра», Тома радостно вскинул руки и, прыгая вокруг Мин Джуна, закричал от восторга.

— Тогда убери мелки и иди руки помой.

— Хорошо!

— А в игре ты будешь рисом.

— Ладно! Тома рис! Рис!

Мин Джун разложил коврик и уложил на него Тому.

— Сегодня день кимпаба! Вот рис — поднимем его вот так...

— Весело! Весело! — малыш корчился от щекотки и заливался смехом.

Мин Джун достал заранее приготовленное жёлтое полотенце и засунул его сбоку.

— А это будет данму-джи. Сегодня у нас только данму-джи, значит, будет кимпаб с ним.

Он стал заворачивать ребёнка в коврик. Вперёд-назад, туда-сюда, и каждый раз Тома визжал от восторга, пока звонкий смех заполнял комнату. В доме, принадлежащем главе якудза, смех ребёнка звучал почти чужеродно. Но Мин Джун чувствовал счастье.

— Ой! Кимпаб лопнул сбоку! — Мин Джун начал щекотать мальчика, а тот корчился, смеялся и извивался, как змейка.

Кэнта наблюдал за этим с тревогой, словно боялся, что Мин Джун переусердствует.

— Что? Кэнта-сан, вам тоже хочется? — спросил Мин Джун, смахивая слёзы смеха.

— Нет... не в этом дело... — Кэнта покачал головой, продолжая следить.

Когда Мин Джун развернул коврик, Тома выкатился из него. В этот момент зазвонил телефон Кэнты. Несмотря на хохот, он почтительно взял трубку.

— Это я. Где Тома? Почему так шумно?

— Господин Мин Джун и господин Тома играют.

— Играют? Дай трубку.

Не уточняя, кого именно, Кэнта протянул телефон Мин Джуну.

— Босс.

Услышав имя Дайки, Мин Джун сразу перестал смеяться и развернул коврик, освобождая Тому.

— Алло, я слушаю.

— Почему так шумно?

— Понимаете...

— Папа! Тома рис! Чёрный рис! — закричал малыш прямо в трубку, решив, что звонит отец.

— Чёрный рис? Ты что, не можешь играть в нормальные игры?

— По-моему, это как раз самая обычная игра. И Томе нравится.

— Я бы хотел, чтобы мой сын стал человеком, а не мелками, грибами или кимпабом.

— Буду стараться.

— Не просто старайся. Сегодня днём уложи Тому поспать часа на два. Я заеду в пять.

— Сегодня мы идём куда-то поесть? О, тогда и я поплю пару часов! Шутка. К пяти всё подготовлю.

— Подготовь только Тому.

Мин Джуна вдруг обдало чувством одиночества и стыда — он поймал себя на том, что ждал

приглашения. Будто и правда поверил в то, что стал «мамой» Тома.

— Мы едем в главный дом. Поужинаем как-нибудь в другой раз. — Дайки, словно угадав его настроение, коротко пояснил.

Главный дом... значит, речь о семье Камияма. Но туда Мин Джуна всё равно не хотел бы ехать. И всё же стало немного горько.

— Понял, — тихо ответил он и повесил трубку.

Ежемесячные собрания Камияма проходили в главном доме, где жил легендарный Шинпей Камияма, прадед Дайки. Там каждый последний понедельник месяца собирались даже руководители дочерних кланов, включая Таичи Камияму из Осаки.

Таичи, второй по рангу в клане, обожал Дайки и во всём ему подчинялся, хотя иногда проявлял болезненную страсть к его вещам — и людям тоже. Но предать его он бы никогда не смог.

В зале собиралось более двухсот офицеров и почти тысяча подчинённых. Всё обсуждали, докладывали, принимали решения. Для маленького Тома это было тяжёлым испытанием, но как наследнику босса ему приходилось присутствовать.

Обычно он лишь показывался на людях, а потом проводил время с прадедом Шинпеем. На такие собрания даже он приходил в костюмчике с шортами. В тот день, когда впервые назвал Мин Джуна «мамой», они как раз возвращались с такого собрания.

По длинному коридору Тома шёл, держась за руку отца.

— Папа, я не хочу чай. Он невкусный.

— Но если дедушка даст, придётся хоть немного выпить.

— Не хочу. Хочу домой. Хочу к маме.

Дайки остановился и посмотрел на сына. Тома почувствовал этот взгляд, опустил голову и принялся тереть край пиджачка.

— Тома. Я ведь говорил, здесь нельзя упоминать маму.

Всё утро мальчик устраивал истерику, отказывался ехать без Мин Джуна. Только после грозного окрика отца его удалось затащить в машину. Щёки у Тома всё ещё были надуты.

— Я виноват... — пробормотал он, едва шевеля губами. А потом вдруг вырвал руку и побежал вперёд:

— Дедушка! Дедушка!

Шинпей Камияма — тот самый человек, что когда-то одним мечом и острым языком подчинил себе всех якудза Токио и создал нынешний могущественный клан.

Сегодня он сам вышел навстречу правнуку. В кимоно, с белыми волосами, он выглядел добродушным деревенским стариком, но глаза его всё ещё сверкали, выдавая закалённого в боях воина.

Заметив бегущего Тому, Шинпей торопливо пошёл ему навстречу и подхватил на руки.

— Ах ты мой щеночек. Сколько раз говорил: так бегать опасно, упадёшь!

— Тома бегают хорошо! Дедушка, можно домой?

— Эй, только приехал, а уже домой? А я ведь чуть не умер от тоски по тебе!

— Ну... тогда я останусь ненадолго, — ответил мальчик серьёзно, кивая.

Тома очень привязался к Шинпею и любил его. Но сегодня, зная, что Мин Джун дома, он хотел как можно скорее вернуться. Тома крепко обнял Шинпея за шею. Тёплый смех Шинпея мягко разлился по коридору.

— Тома, пойдём в большую залу, поздороваемся с дядями и с дядей Таичи. Надо сказать: «Здравствуйте».

Под «большой залой» имелся в виду зал заседаний. Шинпей вошёл туда вместе с Томой, ещё раз напоминая всем о положении мальчика. Он был твёрдо уверен, что это лучшее, что он может сделать для него.

— Здравствуйте, дедушка, — обратился Дайки, кланяясь Шинпею.

— Пойдём в зал заседаний. Но что это с Томой? Сегодня он какой-то невесёлый. Ты не болен?

— Нет.

— Если тебе тяжело одному воспитывать, в любой момент можешь привезти его. Для меня Тома — родная кровь, и я не пожалею для него ничего.

— Я понимаю.

Шинпей, неся Тому на руках, пошёл вперёд. За ним в зал вошли и остальные члены организации, следуя за Дайки. Заседание ещё не началось, поэтому стоял лёгкий шум, но как только Шинпей появился, все склонили головы в знак почтения. Лишь после жеста Дайки люди снова подняли взгляды.

— О, Тома! Я тебя обыскался! — воскликнул Таичи, подбегая к мальчику так же шумно и ярко, как его пёстрый пиджак.

Но Тома, увидев Таичи, крепче прижался к шее Шинпея и отвернул голову.

— Тома, дядя Таичи с тобой здоровается.

— Не хочу, не люблю Таичи. Он всегда «р-р-р» делает. На Тому всё время «рычит»!

Как и следовало ожидать, Таичи, подойдя, легко отобрал Тому у Шинпея и сделал вид, что кусает ему щёку.

— Тома, давай станешь дядиным сыном. Я буду заботиться о тебе лучше, чем папа.

— Не хочу, не люблю Таичи. Дедушка! Дедушка!

Тома начал вертеться, тянулся обратно к Шинпею, и тот, довольный, снова взял его на руки.

Видно было, что ему приятно, что ребёнок ищет именно его, — даже острый взгляд Шинпея смягчился.

— Тома, ну подумай хорошенько. Всё, что ты захочешь, дядя купит. Давай будешь моим сыном.

— Нет! Тома — мамы и папы! Мама всегда с Томой вместе спит. И в папиной комнате тоже спал!

В зале воцарилась мёртвая тишина. Шинпей перевёл взгляд на Дайки.

— Что-то странно. Мне не послышалось? Кажется, он сказал «мама»? Босс, Тома правду сказал? — спросил Таичи, ковыряя в ухе и глядя на Дайки.

Дайки сам опешил от услышанного, но, видя всхлипывающего Тому, которого пытался успокоить взглядом, перевёл глаза на Шинпея.

— Это правда?

— Да.

Дайки, неожиданно для всех, без всяких отговорок прямо признал: слова Тома — правда.

— Вот уж правда. Босс, если бы это была женщина — другое дело, но мама... это уже перебор.

— Замолчи, Таичи.

Шинпей резко одёрнул Таичи, и тот тут же замолчал.

— Приведи её на следующую ежемесячную встречу.

Когда Шинпей неожиданно произнёс это, спокойный взгляд Дайки на миг дрогнул.

— Дедушка, но тогда же...

— Ничего страшного. Это ведь мой день рождения, я могу пригласить кого захочу. В тот день собрания не будет, только семейный праздник, так что приводи её. Раз Тома зовёт её мамой, старик тоже должен хоть раз увидеть. Приводи.

С такой жёсткой позицией, что возражения были недопустимы, не только Дайки, но и стоявшие позади Рен и Кэнта все одновременно подумали о Мин Джуне, и мысли у всех переплелись.

Мин Джун, в пуховике вышедший в сад, нервно расхаживал и снова посмотрел на часы, которые проверял всего пять минут назад, — всё ждал, когда распахнутся большие ворота.

— Холодно, может, пойдёте внутрь?

Дайки уехал в главный дом на ежемесячное собрание, но по какой-то причине оставил Хакүто присматривать за Мин Джуном. Перед уходом он бросил быстрый взгляд на Мин Джуна и коротко приказал: «Хакүто, остаёшься». Потом, не обращая внимания на рыдания и протесты Тома, посадил его в машину и поспешно уехал.

Тогда Мин Джун только и подумал:

«Да я и не сбегу. Ты что, приставил эту жабу, чтобы следил, вдруг я убегу? Вот гад».

Но сейчас он с ума сходил только от тревоги за Тому. Сердце рвалось от мысли, что ребёнок мог заплакать, пойти против Дайки — а вдруг тот ударит?

Мин Джун перевёл взгляд на Хакуто, который, в одной куртке, переминался с ноги на ногу. И посмотрел так, будто хотел прожечь его насквозь — вместо того, чтобы злиться на Дайки.

— Босс никогда не поднимет руку на господина Тому. В принципе, он не любит насилие.

Хакуто, будто угадав мысли Мин Джуна, сам дал ответ, который тот жаждал услышать.

— Не верю я. Вы же сами видели? Чуть не проткнул мне лицо дротиком.

— То было... просто хотел немного припугнуть.

— Что ж, второй раз так “припугнёт” — и моей жизни конец. Но почему они до сих пор не приехали? Звонили уже давно. Зачем им ехать колонной, да ещё и медленно? Это же для обычных людей сплошная угроза на дороге.

— Прошло всего десять минут с момента звонка. От главного дома сюда минимум час езды.

— Тогда позвоните и дайте Томе трубку.

— Кто, я? Не хочу.

От прямого отказа Хакуто Мин Джун так свирепо уставился на него, что тому пришлось сдаться и достать телефон.

— Это я, старший брат. Господин Тома ещё не спит? Тогда господин Мин Джун хотел бы с ним поговорить. Прошу. Вот, держите.

Мин Джун вырвал телефон, словно добычу, и прижал к уху. Уже оттуда доносился голос Тома, зовущий маму.

— Мама? Мама.

— Тома, это мама. Папа тебя не ударил?

— Нет, не бил. Мы уже едем.

— Мама тоже ждёт тебя. С дедушкой хорошо поиграл?

— ...Мама. Это Тома виноват...

— Нет, почему ты плачешь? Всё в порядке. Мама в порядке.

Мин Джун подумал, что ребёнок всё ещё переживает, что его оставили, и стал утешать разрыдавшегося Тому.

— Тома ни в чём не виноват. Всё хорошо. Ради Тома мама всё сделает.

Мин Джун сказал это, имея в виду лишь: «подождать дома — не проблема». Но Тома тут же

перестал плакать и радостным голосом воскликнул:

— Тогда пойдём вместе. Обязательно!

Мин Джун громко пообещал «обязательно» и закончил разговор.

«Фух, хорошо, значит, не бил. Но куда это он звал? Иногда я вообще не понимаю, что Тома говорит. непригоден я, видно, в мамы».

Что именно имел в виду Тома под этим «обязательна вместе», Мин Джун понял лишь через час — и тогда, в кабинете Дайки, он отчаянно сопротивлялся.

— Никуда я не пойду! Да вы что, знаете, что это за место? Я ещё на пороге от страха очоурюсь. Тут-то я только ради Тома держусь, а так каждый день живу в ужасе!

— В ужасе?

При слове «ужас» лицо Дайки резко исказилось. Он шагнул ближе, и Мин Джун сам невольно встал по стойке смирно, но неожиданно продолжил, выдержав его взгляд.

— Я постоянно боюсь, что в любой момент ворвутся якудза с мечами. Что трупы будут лежать кучами. А я же учусь на медбрата, крови не переносу! И что тогда? Где мне прятать Тому? И так далее... Всегда тревожно.

— Ты насмотрелся фильмов. И вообще, тревогу должен испытывать тот, кто каждый день вляпывается в неприятности, а не ты.

Дайки снова успокоился и сказал тихо:

— Не хочешь идти — не заставлю. Уговаривать не буду. Но что насчёт обещания, которое ты дал Томе?

— Какое обещание?

— Он сказал: “Мама пообещала пойти вместе”. Ты что, соврал этому малышу?

Взгляд Дайки стал острым.

«Вот уж проситель! Лучше бы на колени встал, умолял...» — подумал Мин Джун и стал вспоминать, когда же он такое обещал.

«Тогда пойдём вместе. Обязательно».

Вспомнив слова Тома, Мин Джун бессильно осел на месте.

— Слушайте, у меня сердце слабое. Иногда само собой сбивается ритм, похоже на аритмию. В таком состоянии я не вынесу этих... условий. Моя нежная душа этого не выдержит. Тома ведь поймёт, да?

Когда Мин Джун начал свою излюбленную бессвязную болтовню, Дайки нахмурил брови, сдерживая раздражение, и тихо спросил:

— Ему всего три года. С трёхлетки ты ждёшь такого понимания? Так что ты решил?

Мин Джун вскочил, и, хотя во всём был виноват Тома, смело уставился на Дайки:

— Но почему я должен переодеваться в женщину?!

— Потому что ты мама.

— Ах да, я же мама... Но почему именно кимоно?

— Потому что у тебя нет груди.

— Ах да, груди у меня нет.

Мин Джун кивнул, будто всё стало ясно.

— Значит, я мужчина, поэтому нужно нарядить меня в женщину. Поскольку груди нет — платье не подходит, придётся надеть кимоно. А ещё придётся учить чайную церемонию, чтобы понравиться дедушке, любящему чай. Так?

— Так.

Слова Дайки подтвердили и остальные — Рен, Хакуто и Ицуки, грозный, но по-своему милый.

— Но что же делать? Я не могу пить этот чай, он слишком горький. Как только пробую — меня выворачивает.

Мин Джун пожал плечами и оглянулся вокруг. Ну не может он, и всё. К тому же он не способен сидеть в позе сейдза: однажды попробовал — и тут же свело ноги.

С наивной улыбкой он посмотрел то на Дайки, то на Рена, Хакуто и Ицуки. Но Дайки обрушил на него тяжесть десятитонной тишины и сказал лишь одно:

— Свяжитесь с старухой Мэйсой. Если за месяц не сделаете из него женщину — забудьте про дыхание.

— Есть.

— Понял, босс.

— Жизнью клянусь.

— Ай! Больно!

Стоило Мин Джуну в женском юкато чуть съехать с позы сейдза, как розга Мэйсы тут же опустилась на его бедро. Но даже после удара он не смел возразить и только вытер слёзы.

И неудивительно. Мэйса была второй женой Шинпея и той самой духовной матерью, что воспитала беспощадного Дайки. Безоговорочно подчиняясь Дайки, она в то же время таила злобу на Шинпея — и теперь, похоже, решила использовать случай, чтобы подшутить над ним. Поэтому она с особым рвением взялась за обучение Мин Джуна.

Сейчас он учил чайную церемонию. Но для Мин Джуна было мучением не то, что нужно пить чай, а то, что он не мог просидеть на коленях и минуты.

— Как так? Даже 30 секунд высидеть не можешь — позор.

— Ну, в позе “по-турецки” я могу, а это слишком тяжело.

— По-турецки? Как женщина в юкато может говорить такие ужасные слова? Я же сказала: считай себя женщиной!

<http://bllate.org/book/12398/1105530>